

Алиса Атрейдас

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

БРАТ

Алиса Николаевна Атрейдас

Брат

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44493116

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09187-0

Аннотация

Что делать, если при жизни ты вел себя не по чести? Если завидовал брату, если увел у него любимую? И только после смерти ты осознаешь, что все было неправильно... Но изменить уже ничего нельзя... Или можно? Вот она, жизнь – перед твоими глазами, а ты по ту сторону... И ты полюбил – страстно, впервые... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

– Выходи из машины! – Илья с визгом припарковал Мазду на обочине, сразу за поворотом.

– Илюх, братишка, да пойми ты...

– Убирайся! – голос сорвался на крик.

– Я был пьян! – упавшим, тихим голосом проговорил Федор.

– Ты мой брат! Я верил тебе! А ты предал меня...

– Прости...

Федор коснулся плеча Ильи, но тот резко сбросил руку.

– Прости? – угрожающе зашипел он. – Ты думаешь это можно простить? Ты умер для меня! – Илья сглотнул горький комок обиды, в темных глазах сверкнули слезы.

Даже погода в это мгновение нахмурилась и пролила первые тяжелые капли.

– Илюх, не дури... Это всего лишь баба...

Удар в скулу прервал слова Федора. Он не стал защищаться, чувствуя, как заплывает глаз. Душевную боль брата он ощущал как свою – сердце рвалось на части. Танька всегда стояла между ними, настраивая, как ему казалось, друг против друга. С ее появлением они словно отдалились, и их совместный бизнес дал трещину. Федор подозревал, что Татьяна хотела лишиться его доли и упорно шла к этой цели. А Илья

не хотел ничего замечать. Не может же любовь быть настолько слепа? Он пригрел змеюку на своей груди – об этом Федор постоянно говорил брату, но каждый раз разговор заканчивался ссорой. Даже на их свадьбе Федор просто присутствовал, хотя на лице была приклеена дежурная улыбка. А вчера у них был день рождения: по традиции праздновали вместе. Обычно непьющий Федор дал слабинку и переборщил с шампанским. Улучив мгновение, Татьяна утащила изрядно захмелевшего парня в машину и стала жарко шептать ему в ухо... Что там происходило дальше, Федор не особо помнил. Зато сегодня, когда они возвращались с работы, кто-то прислал фотографии, на которых невозможно не узнать Таньку в ее красном платье и Федора со спущенными штанами, пристроившемся между ее длинных загорелых ног.

Дождь всюду стучал по авто, словно барабанная дробь на казни...

– Она моя жена! – отчеканил Илья. – А брата у меня больше нет!

– Она все это подстроила!

Еще удар с хрустом вошел в переносицу. Боль затуманила рассудок.

– Заткнись!

Илья кинулся на брата, дотянуться до шеи мешал ремень безопасности, и он с досадой щелкнул клипсой...

Страшный удар перевернул машину... Скрежет железа, звон стекла...

Илья открыл глаза. Жуткая картина искореженного авто, смятого колесами грузовика, сдавила грудь.

– Федька! – крик вырвался и утонул в потоках дождя.

Илья бросился к машине, которая превратилась в грудку металла...

Похоже его выкинуло через лобовое, то, что он отстегнулся – спасло ему жизнь. А вот у Федора шансов не было...

Такой боли Илья не чувствовал никогда! Даже измена жены с братом, сейчас казалась пустяком.

– Братишка, прости, – шептали губы, пока руки пытались оторвать дверцу. – Да, помогите же кто-нибудь!!!

– Скорую, надо вызвать скорую, – раздались рядом голоса.

– Я не видел их, дождь, машина без сигналов...

– Парень мертвый...

На этих словах Илья встрепенулся:

– Откуда вы знаете!? Может, он жив? Он жив! Я чувствую это! Чувствую...

Он упал на колени и беззвучно зарыдал, размазывая грязь по лицу.

Словно во сне наблюдал, как подъехала скорая, милиция, ДПС, как доставали Федора...

– Этот еще жив!

Радость захлестнула. Илья подскочил к носилкам:

– Держись, братишка! Я люблю тебя! Прости меня, прости, дурака...

– Второй – труп, запаковывай! Чертов дождь!

Илья обернулся. С дороги убирали тело. Он даже не сразу понял, что это его тело. Станный холод забрался в душу.

– Подождите!

Подскочил к санитарам, но они, словно не слыша, продолжали разворачивать черный мешок.

– Чего им дома не сиделось в такую-то погоду, – ворчал мужчина лет пятидесяти. – Молодой совсем. Михалыч, бери за ноги!

– Подождите! – в отчаянии крикнул Илья, схватив санитар за руку.

Санитар наклонился, потянув за собой Илью. Парень изо всех сил уперся ногами в мокрый асфальт, пытаясь удержать санитаря. Но тот даже не замечал его, продолжая свою работу.

– Да стойте же вы! – заорал Илья, срывая голосовые связки.

Мужчины упаковали тело и понесли его к машине. Илья кинулся за ними, повиснув на локте одного. Но санитар шел, как ни в чем ни бывало. Тогда он забежал вперед и со всей силы ударил Михалыча по лицу. Он почувствовал, как кулак коснулся лица, ощутил легкую небритость щеки. Он-то почувствовал, а вот мужик ничего не почувствовал, продолжая идти, протаранив Илью, отчего тот свалился в лужу.

– Что происходит?! – бормотал Илья, от испуга и непонимания внутри все стянулось в тугую пружину, грозясь лопнуть. – Я не мог умереть! Вот он я!

Он со всей силы хлопнул ладонью по луже – брызг не было.

– Так. Спокойно. Сейчас во всем разберемся! – Он вскочил и бросился к машине скорой помощи.

Носилки с Федором уже закатали и как раз закрывали дверь. Илья успел протиснуться внутрь, тяжело дыша. Бригада реаниматоров оказывала помощь брату. Чтобы случайно не помешать, он примостился в углу, с замиранием сердца следя за слаженными действиями врачей.

Сердца... Илья приложил руку к груди и почувствовал мощные толчки. Пощупал пульс – сердце бешено колотилось, гоня кровь. Он ущипнул себя – боль есть.

– Да, что за херня-то творится! – вскрикнул и испуганно закрыл рот рукой. – Простите! – зачем-то извинился перед врачами.

Но те не среагировали. Коту понятно — его же никто не видел и не слышал.

– Давление падает! Парень уходит!

Голос врача врезался в сознание Ильи и отозвался болью.

– Федька, миленький, братко, держись! Здесь хреново! Живи братишка! – зашептал Илья. – А помнишь, как мы после армии в поход ходили? – уже громче заговорил он. – Ночь, лес, костер, гитары. Помнишь, песню ты пел Земфиры: «Жить в твоей голове. И любить неоправданно, отчаянно, – запел Илья, глотая слезы. – Жить в твоей голове. И убить тебя неосознанно, нечаянно...»

Слезы душили, но он продолжал петь...

Потом бежал за носилками. Стоял в операционной, наблюдая за тем, как врачи борются за жизнь брата. Затем проводил каталку в реанимацию, лишь на секунду затормозив в коридоре, заметив сквозь стекло родителей. Сам открыть дверь он не мог, проходить сквозь них, как это делали приведения в фильмах —, тоже не мог. Но мог протискиваться вместе с человеком, когда кто-то открывал дверь. Поэтому сейчас он оказался закрытым в реанимационной палате, где, кроме Федора, находился еще один мужчина и девушка в коме (это он прочитал на бланке). Он слышал, как мать рыдала и просила пустить ее к сыну. Но правила это запрещали.

– Не переживай, мам. Я за ним присмотрю. – Илья устало сел на стул и опустил голову на руки.

Мысли раздирали. Неизвестность пугала. Он сейчас был словно ребенок, оказавшийся один в диком лесу.

– Что делать? – шептал он. – Что мне делать?!

«Допустим, я умер. И что дальше? Где этот чертов туннель? – Илья оторвал голову от ладоней и воздел руки к потолку. – Почему меня не забирают?!»

Самое удивительное, что он чувствовал боль. Еще как чувствовал! Он уже кусал себе все руки и губы. Пробовал прокусить до крови, но не получилось, не хватило силы. Еще не получилось снять одежду. Не мог он и сдвигать предметы. В кино у привидений руки просто проходили сквозь вещи, но силой мысли можно было их толкнуть. Так вот сей-

час Илья с уверенностью мог сказать – это все враки! Он, конечно, еще потренируется, если у него будет на это время, но сейчас он не мог ничего. Состояние ужасное. Представьте, что вы обхватываете пальцами предмет, сдавливаете его изо всех сил, но ничего не происходит. Все ваши усилия ни к чему не приводят. Но вы чувствуете форму предмета, его структуру, чувствуете напряжение руки, чувствуете легкую боль от силы сжатия, но ничего не происходит.

– Ничего, черт возьми, не происходит!

Если постучать кулаком – нет звука. Можно топтать ногами, но тишина будет тебе ответом. А самое страшное, что ты один во всем этом....

Глава 2

В реанимации нет окон. Но то, что наступило утро Илья знал. Он уже много лет просыпался ровно в шесть тридцать. После его смерти ничего не изменилось. После его смерти! Жестокая реальность больно царапнула по ребрам. Как он уснул вчера, он не помнил. От неудобной позы на стуле все тело затекло, жутко хотелось в душ и... и в туалет! Черт возьми! Он хотел в туалет! И как это сделать?! В добавок ко всему, желудок недовольно заворочался, напоминая о том, что ужин был пропущен.

– Чертовщина какая-то! На рай точно не похоже, – проворчал Илья, разминая затекшую спину.

Приборы тихо жужжали и щелкали. Мужчина слева от Федора лежал с открытыми глазами и смотрел прямо на Илью. Внутри радостно трепыхнулось.

– Привет! – Илья шагнул к нему. – Вы меня видите?

Тот продолжал смотреть. Тогда он отбежал в сторону.

– Посмотрите на меня!

Но мужчина по-прежнему смотрел в сторону стула.

– Ясно. Чудес не бывает.

Он подошел к брату и коснулся кончиками пальцев его щеки. На ней уже пробивалась щетина.

Илья мало что понимал во всех этих приборах, но, если

ничего не пищало – все идет хорошо. Вчера врачи сказали, что теперь только время поможет, потому что они сделали все возможное.

– Держись, братишка, – слезы навернулись на глаза, и Илья смахнул их рукой.

Странно, он явно плакал, но глаза сухие.

Дверь с легким скрипом открылась, вошла медсестра. Илья еще секунду смотрел на брата, поцеловал его в лоб и решительно направился к приоткрытой двери.

«Может быть, меня не забирают, потому что я не рядом со своим телом? – мозг принялся за работу. – Бред, конечно, но надо что-то предпринять. А может это и есть загробная жизнь? Тогда почему я никого не вижу? Найти какого-нибудь экстрасенса и попробовать через него связаться с родными? И что я им скажу?»

Илья резко остановился. В коридоре сидели родители. Мама спала на плече отца, а тот, с закрытыми глазами, гладил ее спину.

– Батя, – шепнул Илья, боясь разбудить маму.

Внутри все перевернулось. Почему-то казалось, что родители должны были его увидеть. Ну, или почувствовать. Он опустился на колени, обнял маму и ноги отца. Рыдания сотрясали тело, слезы душили, сердце истерзанным куском билось в груди, причиняя каждым ударом боль.

Позади него раздались легкие шаги, и тихий голос произнес:

– Вы можете пройти к сыну, только, пожалуйста, недолго.

Чтобы врач не узнал.

– Оленька, родная...

– Да, да, Витюша, я не сплю.

Илья проводил родителей взглядом и направился дальше.

Куда? Он еще не знал. Но был твердо уверен, что надо действовать.

Решить легче, чем сделать. Выйти из больницы, когда ты и перышко поднять не можешь, задача трудновыполнимая.

Протоптавшись у дверей несколько минут, но так и не дождавшись, когда их кто-нибудь откроет, Илья отправился по больнице в поисках другого выхода. На третьем этаже оказалось открытым окно, и он, перекрестившись, залез на подоконник. Прикинув расстояние до земли, учитывая, что здание старой постройки – с высокими потолками, Илья спрыгнул вниз. Он сделал все по правилам – сгруппировался, перекатился, но все равно отшиб бок и, по ощущениям, сломал ногу.

– Твою ж мать! Ну хоть боль-то уберите, а?! Или это такие испытания, семь кругов ада и прочая круговерть? Где ваши небесные посланники, которые встретят, проводят, объяснят?! Или может сегодня выходной или праздник какой, а я помер нехстати?!

Как бы то ни было, на ногу наступить невозможно. Илья присел на бордюр, чтобы осмотреть повреждение: визуально все нормально. В глаза бросилось, что одежда чистая. На ней

нет пятен крови, грязи, и даже сейчас, упав в мокрый после дождя газон, он не испачкал джинсы. Поднял ногу и осмотрел подошвы кроссовок – практически чистые. Закрыв глаза и сунул руку в клумбу. Вот он погрузил пальцы во влажную землю, вот перебирает комочки, растирая их подушечками, вот взял кусок земли... Открыл глаза – на ладони пусто и чисто. Нахмурился и закрыл глаза. Сомкнул пальцы, ощутил землю, лежащую на ладони. Резко открыл глаза – ничего нет. Внутри шевельнулось странное чувство, что истина где-то рядом, надо просто ее понять. Преодолевая боль, встал. Итак, первым пунктом – морг. Надо найти свое тело. Хотя, сейчас уже казалось, что это ничего не даст. Но с чего-то надо начать.

Морг находился в отдельном здании сразу за больницей. Вряд ли тело отвезли в другое место. На удивление, двери нараспашку.

– День открытых дверей? Или меня тут ждут? – Илья захромал ко входу.

И тут же столкнулся с необъятной женщиной, которая буквально смела его с дороги, да еще и прошла по нему. Ощущение, что тебя переехал каток! Хорошо хоть дверь не закрыла.

Уже в коридоре Илья зябко поежился. Не каждый день приходишь посмотреть на свой труп.

– Может, ну его на фиг?

«Начала появляться привычка говорить вслух,» – поду-

мал Илья.

– Здесь есть кто живой? – крикнул, а сердце замерло в ожидании ответа.

Напрасно. Он вздохнул и, придерживая больную ногу, пошел по коридору. Из-под одной двери пробивалась полоска света, там явно кто-то был. Илья подошел к проему.

– Она ушла? – донеслось из-за полуоткрытой двери.

Этот вопрос заставил Илью подпрыгнуть. Неужели его заметили?! Сердце возбужденно затрепыхалось.

– Укатилась будет более правильно!

Тычок в спину и Илья ввалился внутрь кабинета, в который зашел дородный детина в халате.

– Дениска, плесни мальчика, а то эта гримза все нервы повытягала! – попросил пожилой лысеющий мужичок, сидящий за столом.

– Неча жениться было, – хохотнул детина, он же Дениска, и захлопнул за собой дверь.

– Черт! – Илья поднялся с колен и на автомате отряхнул джинсы.

Тоскливо обернулся на дверь, потом взглянул на работников морга, которые деловито расставляли на столе закуску, и понял, что он здесь застрял надолго. Осмотрев небольшой кабинет, не нашел ничего лучше, как улечься на кушетку. Блаженно вытянул ноги, подложил руки под голову и прислушался к разговору.

– Ты ее чего так откормил-то, Сидор Фомич? – Денис-

ка смачно откусил малосольный огурчик, и у Ильи потекли слюнки.

– Это она еще похудела на пять килограмм. Сидит на какой-то новомодной диете, черти ее задери! Вот и шастает с голодухи, житья от нее нет...

– Да с ее весом эти пять килограмм – все равно, что скидка в пять долларов с «Мерседеса», бу-га-га, – заржал Дениска и щедро плеснул в стаканы водку.

– Не томи душу, щенок! – Сидор Фомич нетерпеливо схватил стакан и, не чокаясь, махнул его в себя. – У-у-ах! Бр-р-р! Хороша, зараза! Давай, сразу по второй!

– Ты хоть закуси, Фомич!

– Ты стакан-то не грей, умник! С поверхности водки испаряется семь молекулярных слоев в секунду, – Фомич опрокинул еще стакан и, сжав кулаки, снова издал забористое – бр-р-р! – А вот теперь и закусить можно! – он взял кусок черного хлеба, живописно водрузил на него сало, припорошил солью и, зажмурившись, открыл рот.

Дверь распахнулась зло, неожиданно, громко, словно ее вышиб разъяренный вэдэвэшник.

– Ах ты, сучий потрох! – взревела благоверная Фомича.

Илья от испуга подскочил и размазался по стенке, попасть снова под этот танкер он не желал.

– Изольдочка! Ты все не так поняла! – Сидор Фомич резво подскочил и спрятался по другую сторону стола.

Дениска прыснул со смеху. А Илья ждал момента, когда

Изольдочка освободит проход. Но вторая половина Фоми-ча совсем не собиралась двигаться дальше. Уперев руки в необъятные бока, расставила пошире ноги и выдала серию не литературных слов.

– Изольда Артуровна, Вы вроде как похудели? – неожиданно серьезно-восхищенным тоном произнес Дениска.

Женщина взглянула на детину словно на вшу, посмевавшую выбраться на люди. Но постепенно до нее дошел смысл слов, и она, подтянув живот, с натугой выдохнула:

– Заметно?

А потом кокетливо похлопала ресницами и смущенно произнесла: – Всего на пять килограмм двести грамм пока, но...

– Ого! – прервал ее Дениска. – Вот Вы умница! – и, чуть снизив тон, добавил: – Не подскажите диетку? А то меня чего-то развезло с этой работой... – он картинно развел руки, продемонстрировав свое накаченное тело без грамма жира. – Да Вы проходите, проходите, – на этих словах Илья готов был расцеловать славного парня, – в ногах правды нет. – Дениска заботливо пододвинул стул для дамы. Фомич опасливо отодвинулся. – Стопочку не желаете? – Волшебным образом появился еще стакан, а Дениска проникновенно шепнул: – Улучшает метаболизм и способствует похудению.

На этих словах туша Изольды сдвинулась и поплыла в сторону стола. Илья, не теряя ни секунды, нырнул в освободившийся проем.

Так уж получилось, что за свои двадцать пять лет он ни разу не был в морге.

Глава 3

– Обязательно позвоните, если задержитесь! – мама улыбалась, но глаза смотрели с беспокойством.

– Непременно! – в унисон ответили они и, подхватив маму на руки, закружили по комнате.

– Отпустите! Отпустите, увальни! – смеялась она и отбивалась полотенцем. – Ну помнетесь же сейчас все...

Федор с Ильей осторожно поставили хрупкую женщину на диван. Теперь она была чуть выше их. Черная коса растрепалась, и мама выглядела необыкновенно молодо, совсем девчонкой.

– Какие вы у меня красивые, – она смахнула непрошенную слезу, глядя на близнецов.

Сегодня у них выпускной, и так уж совпало, что и день рождения – двойной праздник.

– Это ты у нас красавица! – заулыбался Илья и ткнул Федора в бок.

– Спасибо, мам, – начал Федор, – спасибо тебе за то, что ты есть...

– Спасибо за твою любовь, – подхватил Илья, – за пирожки с капустой...

– За пельмешки твои и за то, что отдала нас на бокс, а не в музыкалку, как настаивал папа...

– И за папу, кстати, тоже спасибо! – поднял вверх указа-

тельный палец Илья.

– За ночи бессонные, когда мы болели...

– Или, когда гуляли допоздна...

– За вызовы в школу к директору, за то, что всегда была за нас...

– Даже когда мы были неправы...

– Можно бесконечно долго говорить спасибо, мам, но это все равно будет мало...

– Потому что ты у нас самая лучшая на свете!

– Ну это и понятно, – подмигнул Федор, – иначе бы мы не получились такими офигенскими!

– Так, так, так, – раздался голос в прихожей, – а я получается здесь не при чем?

В комнату зашел отец с огромным букетом сирени, перетянутым фиолетовой атласной лентой.

– Что-ж вы мать-то до слез довели, – улыбнулся отец, глядя на жену, которая стояла на диване и рыдала, уткнувшись в полотенце. – Олюшка, солнце мое...

Она только махнула рукой и, всхлипнув, спрыгнула с дивана прямо в объятия к мужу.

– Какие они уже взрослые, правда, Витюш? – она счастливо улыбалась, прижавшись щекой к его груди. – Сирень-то как пахнет – ммм...

– Ну, бегите, давайте, выпускники! А то опоздаете! – Отец хитро улыбнулся и добавил: – Подарки у подъезда!

Так быстро братья еще никогда не бегали. У подъезда,

сверкая лакированными боками и хромированными деталями, стояли два новеньких мотоцикла – красный и черный.

– Батя!!! Мама!!! – закричал Федор и, поцеловав ладони, послал воздушный поцелуй родителям.

Они стояли на балконе, все так же в обнимку, с охапкой сирени.

– Ловите ключи, орлы! – крикнул отец.

– И не гоните сильно! – добавила мама.

Это был самый крутой день рождения. Для Федора он сложился удачнее вдвойне, потому что медалистка и красавица Ирина из их класса решила в этот день подарить себя парню целиком и полностью. Илье не так подфартило, ему достались только легкие поцелуи от одноклассниц. Зато он от души нагонялся по городу, перекатыв всю женскую половину школы.

– Вы серьезно решили идти в армию? – Ирочка “шагала” пальчиками по груди Федора к его шее.

– Серьезнее некуда, – улыбнулся парень, перехватив шаловливые ручки, и перевернув девушку на спину.

– А как же высшее? – выдохнула она ему в губы.

– Придем и получим, за это время окончательно определимся, – он закрыл ее рот поцелуем.

– Чем будете это время заниматься? – переведя дух, спросила Ирина.

– Отцу в сервисе поможем, надо много успеть, чтобы дела в гору шли, пока мы долг родине отдаем. Хочешь искупать-

ся? – неожиданно предложил Федор.

– Даже не знаю, – засмеялась девушка, – у меня купальника нет.

– А мы голышом, – Федор поцеловал ее в нос, – знаю тут одно местечко...

Весь их класс обосновался в огромном доме за городом – шашлыки, выпивка, танцы. Выпускной они планировали аж с восьмого класса, организовав денежный фонд, в который скрупулезно откладывали. Идея была Ильи, он же и занимался финансовыми и организационными вопросами. Федор был исполнитель, Илья – голова. И их тандем отлично работал. Выпускной получился на славу. Огромный дом имел множество комнат, закутков, баню и бассейн, а что еще нужно ошалевшей от свободы молодежи?

Через десять минут Ирина в рубашке Федора и он, по пояс раздетый, в одних брюках, уселись на мотоцикл и поехали в сторону реки. Никто даже не заметил их «бегства».

Ирина прихватила с собой бутылку коньяка, из запасов отца, и теперь, загадочно улыбаясь, протянула ему заветные триста грамм.

– Я же за рулем, – засмеялся Федор, но взял теплое стекло.

– А где ты здесь видишь гайцов? – Девушка, покачивая бедрами, расстегнула рубашку.

Алкоголь превратил мерное русло крови в пенящийся поток. Страсть зашкаливала и сносила голову. Голова кружилась от любви и спиртного. Хотелось совершить какое-ни-

будь безумство. Федор ловко подпрыгнул и, ухватившись за толстую ветку, вскарабкался на дерево, нависшее над рекой.

– Ирка! Я тебя обожаю! – закричал он с высоты.

– Слезай, сумасшедший! – заливалась смехом она.

Душная летняя ночь неожиданно нахмурилась и, согнав облака, кинула в них россыпь дождинок.

– Федька! Дождь начинается!

– Ура! Ты когда-нибудь купалась под дождем? – энтузиазм Федора только жарче разгорелся, и он, оттолкнувшись от дерева, грациозной ласточкой вошел в воду.

Через минуту его голова показалась на середине реки.

– Иди ко мне! – помахал он рукой. – Вода, как парное молоко!

Ира опасливо покосилась на небо, которое продолжало выдавать тяжелые капли, и осторожно подошла к реке. Сверкнула молния, и она, вскрикнув, отскочила от воды. Федор засмеялся и нырнул. Дождь хлынул сильно, много, словно устав ждать и предупреждать. Ира в беспокойстве металась взглядом по поверхности бурлящей реки – парня нигде не было видно.

– Федя! Федор! Хватит шутить! – слезы навернулись на глаза.

Откуда здесь взялся Илья — Ирина не знала, да и думать об этом было некогда. Просто мимо мелькнула тень и с разбега врезалась в черную воду, исчезнув в бурлящем течении. Сколько времени прошло? Девушке показалось — веч-

ность. Наконец, чуть поодаль, за ивами, показались две головы. Ирина кинулась туда. Небо плюнуло напоследок и свернуло свою вакханалию, громыхнув на прощание...

Федор пошевелился, каждое движение отдавало болью.

«Неужели купание в реке сделало из меня отбивную?» – мысли лениво ворочались в голове.

Тонкий писк заполз в уши и пробуравил мозг. Федор открыл глаза и чуть не закричал от удивления. Вместо Ирины над ним склонилась пожилая женщина в чепце и халате, а берег реки превратился в больничную палату. Сам он лежал утыканный трубками и замотан бинтами по самое не балуйся.

– Очнулся, касатик? – ласково проговорила женщина. – Сейчас доктора позову...

Глава 4

Это был не самый лучший морг города, хотя и достаточно чистый. В нос ударил характерный запах формалина и гнили – запах смерти. С замиранием сердца Илья осмотрел пустые столы с раковинами. Один был измазан кровью, он отвернулся, не в силах смотреть. Потом, взяв себя в руки, шагнул-таки в холодную темноту помещения. На дальнем «одре» кто-то лежал, накрытый простыней. Илья пробежался пальцами по покрывалу, пытаясь угадать – не он ли там? Кроме противного липкого страха других чувств не было. Вот она – изнанка человеческой жизни – смерть. Здесь она встречает тебя неприкрытой и неприкрашенной – последняя остановка экспресса «Жизнь – Вечность».

Илья заглянул под стол, пытаясь найти хоть какие-то опознавательные знаки, обошел его. Дыхание перехватило – из-под простыни торчала рука. Разглядеть в полумраке не получилось. Илья присел на корточки и напряг зрение, разглядывая левую кисть трупа. Свет вспыхнул так неожиданно, что парень испуганно подскочил, стукнувшись головой об стол.

Насвистывая мотивчик группы Queen «We Are the Champions», зашел Дениска. Пританцовывая, он подошел к холодильнику и достал запотевшую бутылочку. Илья громко выругался. Амбал остановился и резко обернулся, указывая пальцем на парня. Илья замер, выпучив глаза – неужели?

Свершилось! Дениска опустил веки, его таз сделал характерное движение вперед-назад, бутылка в руке «превратилась» в микрофон:

– We are the champions, my friends
And we'll keep on fighting 'til the end

We are the champions

We are the champions

No time for losers

Cause we are the champions of the world... – практически не фальшивя, пропел он.

Все еще с закрытыми глазами, поднял руки вверх, собирая овации предполагаемого зала, слегка поклонился и пошел к выходу. Илья, опомнившись, кинулся к руке, торчавшей из-под простыни. Перед тем, как погас свет, он успел рассмотреть татуировку на волосатых пальцах: Дима. Неожиданно стало легче. Нет. Он не готов увидеть свое холодное тело. Зря все это затеял.

– Надо вернуться в реанимацию, – уже по привычке, вслух, принял он решение.

За дверью кабинета всюду гремело веселье:

– Бывало, только-только настроишься на позитивный лад, глянешь, а в бутылке уже на доньшке, – громыхал Дениска. – Ты, Фомич, на жену не злись! Вот ты сам поставь себя на ее место. Вот ты сидишь в кабинете, а она заходит с бодуна, вонища перегаром. Вот какая бы у тебя реакция была?

– Я бы предложил опохмелиться! – буркнул Сидор Фо-

мич.

– Я те ща предложу, алкашня!

В кабинете послышался звук падающего стула. Илья улыбнулся, представив, как резво муж-неудачник увернулся от оплеухи.

– Изольда Артуровна, а спойте нам! – снова разрядил обстановку находчивый малый. – Сидор Фомич говорил, у вас дивный голос!

– Ну, не такой уж и дивный, – хихикнула супружница Фомича. – Но в детстве в хоре выступала! За мои зеленые глаза, называешь ты меня колдуньей,

говоришь ты это мне не зря, сердце у тебя я забрала... – затянула на одной ноте Изольда Артуровна.

Илья зажал уши и, давясь от смеха, побежал к выходу.

На этот раз попасть в больницу оказалось намного проще – уборщица как раз намывала полы.

Илья прошел по мокрой плитке и с надеждой посмотрел вниз – следов не оставалось.

Родителей в коридоре не было. Сразу стало грустно. Не то, чтобы Илья по ним соскучился, просто родные лица сейчас много значили.

Чтобы попасть в реанимацию пришлось почти час просидеть под дверью. Удалось прошмыгнуть вместе с медсестрой, которая заглянула и снова ушла, закрыв за собой дверь.

Илья ошарашено пялился на пустую кровать. Страшное предчувствие заползло и сдавило грудь.

– Федька, братишка... Ты чего это?

«Не мог он умереть! Наверное, его перевели в палату».

Соседнее место, где лежал мужик с рыбьим взглядом, тоже пустовало. В реанимации осталась только девушка. Илья подошел к кровати и посмотрел на пациентку: бледная, словно прозрачный фарфор, кожа обтягивала высокие скулы и остренький подбородок с трогательной ямочкой; ресницы длинные, слегка загнутые.

«Интересно, какого цвета у нее глаза?» – как-то некстати подумалось.

Голова девушки гладко выбрита, из-за этого кажется совсем ребенком. Илья подошел к карточке, прикрепленной в ногах кровати.

– Лиза Карпенко, 21 год.

В анамнезе самое понятное слово — «кома». Илья попытался разобрать каракули – похоже, девушка решила покончить жизнь самоубийством и наглоталась таблеток. Кома – последствие тяжелой интоксикации.

Странно, но она не была похожа на ту, которая уходит из жизни добровольно. Он подошел ближе и склонился к лицу девушки. Губы причудливо изогнуты, так и кажется, что сейчас расцветут улыбкой. Венка на виске беспокойно бьется тонкой змейкой. Илья коснулся кончиками пальцев щеки Лизы – шелк и то грубее, чем ее кожа. Он продолжал водить по ее лицу, наслаждаясь ощущениями.

Открывшаяся дверь, заставила его отскочить в сторону.

– Горцева в какую перевели? – спросил врач, взглянув на кровать Федора.

Услышав свою фамилию, Илья напрягся.

– В шестую, Андрей Валентинович, он один там, родители с ним.

– Кто разрешил посторонних? – бросил доктор, быстрыми движениями перелистывая анамнез Лизы.

– Так Вы и разрешили, – стушевалась молодая женщина, то ли врач, то ли медсестра. – Сказали, их присутствие благотворно влияет...

– Ясно, – прервал ее Андрей Валентинович. – Второй сын у них погиб, – негромко, вроде как для себя, произнес доктор, – пожалел мать... Ну-с, Лизонька, ты, я смотрю, решила отоспаться получше, – он с какой-то отцовской нежностью приподнял веки девушки, потрогал пульс и повернулся к женщине. – Наташа, из ее родных, знакомых никто не объявился?

Наташа медленно покачала головой.

– Ясно.

Они так быстро покинули реанимацию, что Илья не успел проскочить вместе с ними, дверь захлопнулась перед носом.

«Интересно, что будет, если сунуть ногу в дверь? – пролетела шальная мысль. И тут же: – Федька жив!» – слова врача радостно трепыхались в сердце Ильи.

– Лиза, Лиза, – покачал он головой. – Ты такая же одинокая, как и я.

Любопытство терзало и его, как магнитом, тянуло к девушке.

– Может это от того, что ты тоже где-то блуждаешь? – он сел на край кровати и накрыл своей ладонью ее руку. – Знаешь, я за все это время ни разу не вспомнил про Таню, вот только сейчас. Она изменила мне. Вот так, Лизочка. С моим братом, – слова сами лились, и на душе становилось легче. – Я когда узнал, у меня рассудок помутился. А знаешь из-за чего? Из-за того, что это был Федька, – Илья сморщился от боли, когда воспоминание пронзило его, – Федька... Я наговорил гадостей ему, а теперь даже не могу сказать прости, – он горько ухмыльнулся, – помер я. Я его не оправдываю. Но я знаю брата, как себя, он бы никогда так не поступил! Что за бес его попутал? И этот фотограф, кто он и как оказался там в нужный момент? Хрень собачья!

Илья вскочил с кровати и заходил по палате.

– Может и правда все подстроено? Но зачем? – он остановился. – Поругать нас, чтобы завладеть фирмой? Что думаешь, Лиза? Молчишь... Что же у тебя-то случилось, девочка?

Он снова сел на кровать и погладил ее по голове. Улыбнулся, почувствовав, как покалывают пробивающиеся волосы. Не удержался и поцеловал ее в лоб, задержался, прильнув губами к теплой коже. Подбородок касался ресниц девушки. Илья замер, почувствовав, как они дрогнули...

Осторожно, затаив дыхание, он отодвинулся от девушки.

Лиза была похожа на куклу – неподвижную, хрупкую и красивую. До боли в глазах он всматривался в лучики ресниц, надеясь уловить хоть малейшее движение. Неожиданно возникла идея и он, продолжая внимательно следить за лицом девушки, начал травил анекдоты. Затем спел песню. Осмелев, нагнулся и поцеловал ее губы... Но тщетно... Илья словно завалил экзамен – в душу прокралась щемящая тоска и змеей обвила сердце.

Следом навалилась вселенская усталость, слезы обиды и горечи душили, не в силах вырваться наружу.

– Заберите меня! – закричал он, падая на колени.

Кулак с силой врезался в пол. Костяшки пальцев хрустнули, но он бил и бил, не замечая боли, пока не упал без сил, обхватив голову руками. В каком-то тумане встал и лег на кровать, где до этого лежал Федор, забывшись беспокойным сном.

– Отмучился, бедолага! – с этими словами Илью скинули с кровати.

Он не сразу понял, что произошло. Кто отмучился? Наконец, пелена перед глазами рассеялась – санитарка убирала белье с кроватей. Взмахнув простыней, она смахнула Илью, словно осенний лист. А отмучился – это мужик рыбий глаз. Об этом она и рассказывала Лизе, своей немой слушальнице. Илья подошел к девушке и коснулся щеки:

– Если со мной ничего не случится, я приду к тебе, – он улыбнулся и выбежал из реанимации.

Глава 5

Федор с трудом прошептал:

– Илья...

Мама зажмурилась, открыла красные, заплаканные глаза и приложила к его губам холодные, как лед, пальцы.

– Тише, родной. Все будет хорошо.

Но ничего уже не могло быть хорошо. Хотелось уснуть, а проснуться снова на берегу реки...

– Мам, пить.

Ольга беспокойно оглянулась на мужа:

– Витюш, я не знаю, можно ли?

– Я позову врача.

Отец торопливо вышел из палаты.

– Ты жив. Тебе надо набраться сил и...

– Он погиб? – горящее огнем горло выстрадало эти слова.

Мама снова зажмурилась и опустила голову.

Есть ли на свете боль сильнее, чем боль потери? Она не терзает тело, она рвет душу. Кажется, что ты не вынесешь этого ада и разлетишься на куски. Но, вопреки всему, ты продолжаешь жить. Но еще страшнее, когда к этому аду добавляется ад вины. Этот ад не знает пощады, он гложет тебя изнутри, смакует, откладывает на потом и вгрызается с новой силой. Каждый твой вздох – это полено во всепоглощающий костер вины. Каждый шаг – пачка бумаги, которая

жадно пожирается огнем вины. Каждая улыбка – канистра бензина...

Федора выписали неделю назад. За все это время он произнес с десяток слов. И он все еще не набрался смелости поехать на кладбище. Брата похоронили, когда он был прикован к кровати. С того времени прошло уже четыре месяца. Четыре месяца, шесть операций, проданная квартира и мертвая душа.

– Федя, мне нужна твоя помощь! – отец зашел в комнату без стука и, закрыв за собой дверь, заговорил вполголоса: – Если ты будешь так продолжать, то сведешь мать в могилу! Ты потерял брата, а мы сына! А теперь теряем второго! – голос отца резал без ножа.

В два шага он приблизился к сыну и схватил его за грудки: – Я не допущу этого, понял?! Ты чертов слюнтяй, если не хочешь жить! Ты! Чертов! Слюнтяй!

С каждым словом отец встряхивал сына, как тряпичную куклу, а потом притянул к себе, крепко обнял, отстранился, поймал взгляд сына и, держа за плечи, сказал:

– Сейчас приедет Татьяна, она хочет, чтобы ты подписал документы...

Федор дернулся, как от удара хлыста.

– Какие документы? – голос от долгого молчания треснул сухой веткой.

– Что-то по вашей фирме, я не знаю, – отец отпустил Федора и устало опустился на диван.

– Скажи ей, – лицо Федора окаменело, – пусть не приезжает. – Тень улыбки зловеще прокралась по лицу. – Я сам приеду!

– Вот и ладушки, сынок! – отец облегченно вздохнул и подскочил с дивана. – Надо работать! Работа она все лечит. Займешься делом и снова оживешь, а то мать вся извелась...

– Все будет хорошо, батя, – Федор похлопал отца по плечу. – Я в душ.

Тугие струи заливали глаза, мешали дышать. Федор хватанул воздух ртом и отключил горячую воду, даже не вздрогнув от ледяного потока. Уперевшись рукой в стену, он стоял под напором воды. Впервые за долгое время голова начала работать.

«Значит, змея выползла на охоту? Ну что же, поиграем!»

Дьявольский смех ударился о стенки душевой. Федор повернул рычаг, перекрывая воду, и стал яростно растирать-ся полотенцем, грозя сорвать кожу. Слова отца, словно ушат воды в костер, разом потушили вину.

Через тридцать минут он легко сбегал по лестнице, не дожидаясь лифта, и сел в машину отца.

Юридически, фирма принадлежала им с братом в равных долях. Значит, теперь Татьяна готовится вступить в наследство, а потом примется выживать его. Что она уже успела на-творить? Черт! Он столько времени потерял!

Злость очень легко разгорается на пепелище вины. Достаточно дунуть, и вот уже полетели искры, показались язычки

пламени...

Он приготовился к бою и был готов растерзать врага, растереть в прах, развеять по ветру... Но он не был готов увидеть плачущее, дрожащее создание, в черном траурном платье, которое кинулось, с надрывным всхлипом, к нему в объятия...

Федор невольно отшатнулся, довольно грубо оттолкнув девушку.

– Федя? – мокрые ресницы, слипшиеся в лучики, часто запорхали. Из глаз покатались слезинки. Девушка прижала руки к груди. – Что случилось?

– Прекрати этот цирк! – цыкнул он и прошел к столу. – Говори, чего хотела? – он сел в кресло и, крутнувшись, повернулся к Татьяне.

– Почему у тебя такой тон? – она по-прежнему непонимающе смотрела на него. – Я думала мы...

– Нет никакого – мы! – крикнул он и стукнул кулаком по столу так, что девушка подпрыгнула, а потом грузно осела на пол, развалившись на нем, совсем не грациозно, неловко подвернув ногу.

– Твою мать! – Федор, ругаясь, подошел к девушке и потыкал ее в плечо.

Таня, похоже, действительно была без сознания. Широкими шагами парень подошел к столику с напитками и, взяв бутылку минералки, щедро полил ей невестку.

Татьяна открыла глаза и медленно села. Федор сидел на-

против на корточках, рассматривая девушку.

Выглядела она не лучшим образом: слишком бледная, с размазанным макияжем, темные круги под глазами...

– Мы должны поговорить, – чуть слышно произнесла девушка.

– А есть о чем?

– Думаю, что есть, – она протянула руку и коснулась колени Федора.

– Я выкину тебя за шкуру, если ты сейчас же не прекратишь меня трогать! – отчеканил парень, многозначительно посмотрев на руку.

Татьяна поспешно отдернула ее, спрятав за спину.

– Вставай! – приказал Федор, поднявшись и направляясь к креслу.

Усевшись, он закинул ногу на ногу, скрестил руки на груди и устремил взгляд на Татьяну.

Она встала, неловко покачнувшись на каблуках, сбросила туфли и босиком прошла к дивану, забравшись на него с ногами.

Федор молчал, предоставив слово ей, ему-то было не о чем с ней говорить.

– Я бы хотела поговорить о той ночи, – наконец произнесла девушка.

Федор молчал, лишь слегка внутренне напрягшись.

– Ты знаешь, что мы плохо ладили с Ильей в последнее время?

Федор удивленно изогнул бровь, но не произнес ни слова.

Татьяна выудила откуда-то платочек и вытерла глаза, потом высморкалась.

– Если бы вы не были близнецами...

Губы Федора превратились в тонкую нитку, глаза зло загорелись, он уперся ладонями в подлокотники, намереваясь встать.

– Подожди! – воскликнула девушка. – Дай мне договорить! Молю!

Он опустил в кресло.

– Если бы вы не были близнецами, все было бы по-другому! – быстро заговорила Таня. – Я любила Илью, – уставившись в пол, она не заметила сжавшиеся челюсти Федора. – Но между нами не было страсти. А вот между тобой и мной всегда молнии проскакивали, – она подняла взгляд на Федора.

Тот отвел глаза. Что правда, то правда – Татьяна была горячая штучка, и ее прикосновения всегда отзывались в нем сладкой болью. Может, поэтому она ему так и не нравилась. Он злился на нее, за то, что она вызывает в нем желание. Хотя он подозревал, что она делала это намеренно: то выскочит голая из комнаты, прикинувшись удивленной, то коснется коленкой, якобы невзначай... И он ненавидел ее за эти штуки. Ненавидел всеми фибрами души. Вот сейчас же он не хотел ее! Нет, он хотел, но хотел убить.

Татьяна восприняла отведенный взгляд, как признание

своих слов. Спустив ноги, она кошачьей походкой подошла к Федору и встала у него за спиной, у окна.

– Ты знаешь, что мы собирались развестись?

Плечи Федора ссутулились.

– Мы уже месяца три не занимались сексом. Поэтому на дне рождения...

– Да на днеухе ты тосты толкала, о своей неземной любви!

– Илья попросил не говорить сейчас никому о том, что мы расходимся. Он сказал, что это сейчас повредит бизнесу, ты же знаешь этих японцев, они помешаны на семье, и пока мы не заключили контракт, – Татьяна подошла к Федору ближе. – В общем, мне пришлось играть роль любимой жены. Но я потеряла голову, – руки Татьяны легли Федору на плечи, – когда ты обнял меня.

Федор помнил это мимолетное, сухое объятие, когда она поздравляла его. Ничего личного, черт возьми! Что она себе возомнила!

Руки Татьяны погладили плечи, слегка с нажимом, массируя стянутые узлом мышцы.

– Наверно, я всегда любила именно тебя...

Он вскочил, с грохотом опрокинув кресло. Татьяна лишь слегка отступила, смело смотря ему в глаза.

– Поэтому ты затащила меня в машину и наняла фотографа, чтобы заснять свою любовь? – брызгая слюной, выплюнул Федор то, что жгло изнутри.

– Какого фотографа?

Изумление Татьяны вышло слишком натуральным. Актриса она была от Бога, это Федор оценил по достоинству.

– Который потом послал снимки Илье! Или это ты сама сделала?

– Кто-то послал Илье фото? – глаза девушки расширились, и она зажала рот рукой.

– Ты убила его, сука! И я уничтожу тебя! – прошипел Федор и, не в силах больше находиться с ней рядом, резко развернулся и почти побежал к выходу.

– Я беременна!

Фраза пригвоздила парня к месту...

Бесконечные секунды тянулись – Федор переваривал эти два слова. В голове моментально произошел расчет – если Татьяна не врет, и они с Ильей уже давно не были вместе, то получается, что ребенок его, и срок сейчас чуть больше четырех месяцев. Мысли о том, что девушка лжет о беременности, у него не возникло. Он спиной чувствовал взгляд Татьяны, но не мог повернуться. Федор не знал, что делать и что ей сказать. Поэтому, не оглядываясь, вышел из кабинета. За закрытой дверью раздался сдавленный крик прилетело что-то тяжелое и бьющееся. Виски! – безошибочно определил парень и, не обращая внимания на изумленную секретаршу, шагнул в лифт.

Глава 6

Первым желанием было напиться. Он остановился у небольшого бара и зашел в него, заказав водки со льдом, но так и не прикоснулся к стакану. В голове стремительно пролетали картинки из детства.

Им было двенадцать лет, когда родители отправили их в спортивный лагерь.

– Пора пацанам привыкать к самостоятельности, мать! – строго сказал глава семейства и выложил на стол яркий конверт с путевками.

Ольга всплеснула руками:

– Витюша, да как же они там?

– Подъем в шесть, зарядка на берегу моря, завтрак на свежем воздухе, чтоб я так жил! – радостно хохотнул Виктор и поцеловал жену в нос. – Да и ты отдохнешь, – шепнул он ей на ухо, – а то вечно у плиты.

Вот так Илья с Федором и еще двадцать молодых боксеров оказались в Анапе за полторы тысячи километров от родного города.

Первая неделя показалась братьям адом: подъем и бег по берегу моря, пока солнце окончательно не встанет, вместо теплой кровати и маминых оладушков с утра – к этому за один день не привыкнешь. Да к тому же пришлось кулаками добиваться своего места под солнцем – в лагере господство-

вала “дедовщина” не хуже, чем в армии. По странному стечению обстоятельств доставалось всегда Илье, а Федор мужественно бросался на его защиту.

Вот и сейчас старшие зажали пацана в умывалке и высыпали перед ним кучу грязных носков. Илья насупился и показал им средний палец, за что схлопотал хук справа. Ухо горело огнем, но сильнее жгла обида. Он сжал зубы и кинулся на обидчиков, да куда там! Когда перевес не только в килограммах, но и в количестве. Чем бы закончилась та драка неизвестно, но на помощь прибыл Федор, а за ним тренер, который быстро раскидал дерущихся и, ловко вычислив зачинщиков, отправил их драить туалеты, пригрозив досрочным отбытием домой. Путевка в лагерь стоила как тур на Мальдивы, поэтому каждый ребенок знал, чем грозит отчисление – отцовский ремень был веским аргументом в те времена.

Постепенно жизнь наладилась и вошла в привычную колею. Бег по утрам теперь был в радость, а с бывшими обидчиками теперь выясняли первенство на ринге или на турнике. А на турнике равных Федору не было. Даже тренер восхищенно присвистывал, глядя какие кренделя выписывает парень. Постепенно близнецы заняли своё место под солнцем, а от времен «дедовщины» у Ильи остался памятный подарок – шрам на спине, в форме треугольника.

Федор задумчиво крутил стакан, наблюдая, как тает лед. Воспоминаний детства у него не было после того случая на

выпускном, когда он вытащил из реки, чуть не утонувшего, Илью. Хотя Иринка говорила, что именно Илья кинулся спасать Федора, а вот поди ж ты. Еще больше ее удивило наличие джинсов на Федоре – она уверяла, что парень сиганул в реку голышом. Но в общей суматохе, да учитывая количество выпитого, сей факт прошел незамеченным.

Зато сейчас, рассматривая запотевший стакан, Федор неожиданно ясно все вспомнил. И жаркие бедра Ирины, и пьянящие поцелуи, и разухабистую удаль в беснующейся реке, и как неожиданно скрутило ногу, как вода хлынула в легкие, раздирая их жаром, как сознание ухнуло в чернеющую пустоту, и как воздух вдруг наполнил легкие, когда голова показалась над водой, а руки до боли сжимали плечи брата. Тогда, поскользываясь на мокрой глине, он все-таки вытащил Илью на берег. Особо не задумываясь, как тот оказался в реке. Есть проблема – надо решать!

– Федя! – Ирка, с надрывным криком, бросилась к ним и, упав на колени, обняла голову... Ильи.

– Со мной все нормально, – успокоил ее обескураженный Федор, мягко отстраняя от брата.

Илье срочно требовалось искусственное дыхание. В течение пяти минут они с Иррой делали все возможное, чтобы откачать Илюху. Когда страх окончательно вытеснил надежду, брат дернулся, выплюнув первую порцию воды.

– Спасибо, – прошептала Ирка и, скользнув губами по щеке Федора, принялась целовать кашляющего Илью.

– Ир, ты чего? – Федор немного удивленно смотрел на реакцию девушки.

А потом целый час доказывал, что Федор – он.

– Хватит меня разыгрывать! – злилась девушка. – Федька был без штанов, когда прыгнул в речку. А на тебе джинсы.

Тогда Федору пришлось пошептать ей на ушко интимные подробности их выпускной ночи. Девушка смирилась, но на поцелуи парня отвечала неохотно, а потом и вовсе попросила отвезти ее домой. Дальнейшие отношения у них не заладились, поэтому в армию парень отправился свободным.

Лед полностью растаял. Легкий запах спирта коснулся ноздрей. Федор сморщился и отодвинул стакан.

Воспоминания повалили толпой, торопясь, наталкиваясь друг на друга...

Армия. Привыкший всегда побеждать Федор, срывается с турника и ломает руку. В санчасти симпатичная сестричка, приветливо улыбающаяся ему, вдруг выбирает Илью. И тот целый год живет, как у Христа за пазухой, периодически угощая брата домашними пирожками.

Гражданка. После армии у Федора с девушками тоже как-то не складывались отношения. Зато к Илье девчонки липли, как мухи к ленте. А ведь раньше всегда было наоборот. Несмотря на то, что братья были близнецами, причем настолько одинаковыми, что даже родители их путали, Федор обладал каким-то особенным магнетизмом, привлекая к себе людей. Братья частенько этим пользовались: Илья приду-

мает хитроумный план, а Федор с легкостью его проворачивает, очаровывая собеседников. А потом словно судьба отвернулась от Федора, и он потерял свой дар. Зато Илья стал гением. Ни для кого не секрет, что их фирма – это почти полностью заслуга Ильи. Завалив пару сделок, Федор перестал встречаться с клиентами, взвалив на себя бумажную волокиту.

Татьяна. Он познакомился с ней в супермаркете, когда у нее лопнул пакет с апельсинами. Высокая, стройная брюнетка, с пронзительно синими глазами. Он ее захотел сразу. А она постоянно смеялась, сверкая жемчужными зубками, и подшучивала над ним. Он пригласил ее покататься на роликах, и они без умолку болтали обо всем на свете. Тогда ему показалось, что он влюбился с первого взгляда. Он попытался ее поцеловать, но она мягко его отстранила. А вечером, когда он познакомил ее с Ильей, она шепнула Федору на ухо:

– Ты почему скрывал, что у тебя такой потрясающий брат? Мне кажется, я в него влюбилась!

Федор залпом проглотил уже теплую, разбавленную водку.

– Повтори!

Из бара его забирал отец. Бармен оказался мировым парнем и воспользовался сотовым Федора, который тот выложил на стойку.

Всю дорогу отец молчал. Да и говорить с бесчувственным телом – дело неблагодарное.

Полночи Федор изрыгал из себя содержимое барного меню под тихие вздохи матери. А под утро, глядя на свое помятое, отекшее лицо, повернулся спиной к зеркалу, пытаясь рассмотреть правую лопатку. На загорелом теле едва заметно белел треугольник...

Глава 7

Федор проснулся от настырного звона мобильника. Не глядя, нажал сброс и уставился в потолок. События вчерашнего дня не хотели отпускать даже во сне. Неожиданно все встало на свои места. Федор вскочил с кровати и, упав на пол, принялся отжиматься, до боли в ослабших руках, пока мышцы не скрутило в тугую спираль. Скинув мокрую майку, пошел в душ. Слава богу, родители были на работе и ему не пришлось смотреть им в глаза. Душ и крепкий кофе вернули человеческий облик. Федор отключил телефон и сел за ноутбук.

«Обмен телами в реальной жизни» – enter.

Заголовки гласили:

Обмен телами стал реальностью – Naked Science...;

Переселение душ или обмен телами – Вопрос-ответ...;

Ответы@Mail.Ru: Возможен ли обмен телами в реальной жизни с...;

Обмен телами – уже не фантастика «Тайный Мир – Sokrytoe.net...»

Через три часа глаза болели от напряжения, а голова была забита всевозможными предположениями и байками. Десятки фильмов, тысячи историй и ничего существенного, за что можно зацепиться! Хотя... Федор и сам не понимал, что он пытается найти? Ильи уже нет в живых, тело – его, Федо-

ра, тело – погребено. Вернуть все назад он уже не сможет. Остается принять все, как должное и продолжать жить. Волею судьбы, они оба сейчас живут. В голове колокольчиком звенел один вопрос – чей же тогда ребенок у Татьяны? Если физическая оболочка Ильи, то получается ребенок его? Или все-таки во внимание принимается духовная сущность? Всемогущий гугл об этой мелочи умалчивал.

– И как мне теперь быть? – Федор взлохматил пальцами волосы и, оттолкнувшись ногой, отъехал на кресле от стола.

«Не быть трусом и встретиться с Татьяной, – первая мысль, которая возникла среди полного сумбура. – Чтобы там ни было у нее на уме – она носит нашего ребенка!» Признать ребенка только своим у Федора не хватило смелости... или осознания.

Он подключил сотовый и сморщился от обилия неотвеченных вызовов. Похоже, его вчера заметили в офисе, и сегодня список входящих пестрел звонками от клиентов. От Татьяны не было ни одного – странно, неужели она сменила тактику? Он по памяти набрал одиннадцать цифр:

– Да, Федя, – ответил низкий, с хрипотцой, голос на втором гудке.

Федор растерялся, набрать-то он набрал, а вот говорить не был готов. Неловкая пауза затянулась. Татьяна терпеливо молчала и ждала.

– Нам надо увидеться, – наконец произнес Федор.

– Я сегодня дома...

– Почему? – моментально среагировал парень

Он привык, что Татьяна постоянно в офисе. Иногда казалось, что она работает больше их двоих, и ей действительно нравилось это! Сеть автосервисов, с мотелями и фастфудами, разрасталась очень быстро и, как ни странно, дела шли только в гору.

– Не очень хорошо себя чувствую, – негромко произнесла девушка.

В душе Федора шевельнулась жалость.

– Из-за... ребенка?

– Токсикоз...

– Я приеду?

– Жду.

В трубке раздались короткие гудки. Он несколько секунд смотрел на сотовый, затем бросил его на диван, завершил работу на ноутбуке и стал одеваться. В прихожей на тумбочке лежали ключи от машины – значит, отец оставил ему авто.

– Спасибо, па!

Федор взял ключи и, минуя лифт, сбежал по лестнице. Врачи еще не разрешали активно двигаться, но энергия была ключом и рвалась наружу. Не по-осеннему теплый день метнул в него веер листьев, обдав ароматом сена и влажной земли. И внезапно захотелось жить! Внутри даже зашло все от сознания того, что это он мог сейчас лежать на погосте. Острое желание увидеть брата, обнять его, поделиться с ним своим открытием...

«А если Илья все знал?» – мысль была невесомая, точно паутинка, прилипшая к щеке. Но она плотно прикрепилась и не желала отставать. Руки сами порулили в сторону кладбища.

Найти могилу оказалось не так легко, за четыре месяца добавилось несколько десятков свежих. Федор рассматривал надписи на венках: милой доченьке..., дорогому коллеге..., любимому мужу... Он чуть не прошел мимо могилы брата. Родители еще не установили памятник: витой железный крест, ламинированная фотография и огромное количество венков.

– Привет, Илюха...

Со снимка улыбался брат. Федор помнил этот момент – фотографию сделал он. Почему родители выбрали именно ее? Мурашки пробежали по рукам и сгруппировались в области затылка, шевеля волосы, – фото было сделано до выпускного.

Глава 8

Илья прочно обосновался в больнице. Выяснилось, что в реанимации всегда есть «свободные места», и это лучше, чем спать в парке на лавочке. Да и оставлять Лизу одну ему не хотелось. Он мог часами сидеть на кровати девушки и, держа ее за руку, рассказывать о своей жизни. Он навещал Федора, а потом бежал к Лизе и рассказывал, как у того дела. Ему казалось, что девушка слышит его. Хотя, возможно, ему просто хотелось так думать – иначе можно сойти с ума, если это вообще реально в его-то состоянии. А состояние у него было просто бомбическое! Илья ухмыльнулся, вспомнив, как он, не выдержав давления мочевого пузыря, напрудил в штаны. Сгорая от стыда, он даже расплакался от отчаяния, моля бога, чтобы не приперло чего посерьезнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.